

Только что пообедав, рабочие отправились в поля на работу. Лэ Кэ шел в строю по узкой извилистой тропинке, ведущей к овощному саду, где рабы разошлись по своим делянкам. Сад со всех сторон окружали заросли колючего терновника, всюду были расставлены скрытые ловушки. Единственная дорога служила и входом, и выходом, а неподалеку туда-сюда патрулировали многочисленные стражники с ножами на поясах и свирепыми псами. Только теперь Лэ Кэ понял, почему Ясли послала сюда именно его: выкрасть овощи оказалось невероятно трудно. Вспомнив о задании — за три дня украсть кочан пекинской капусты, — он невольно помрачнел.

Почву в тщательно охраняемом огороде отличал золотистый оттенок. Рыхлая и мягкая, она прекрасно впитывала влагу, но росшая на ней капуста отличалась удивительной капризностью. Ее требовалось поливать непрерывно, без перерыва даже на миг, причем обычная колодезная вода не годилась — за источниковой водой приходилось ходить высоко в горы. Аккуратно орошая золотистую землю вокруг ростков этой водой, можно было не сомневаться, что капуста пойдет в рост.

Мужчины-рабы ходили в горы за водой одну ходку за другой, а женщины-рабынки поливали грядки и выпалывали сорняки. Лэ Кэ никогда раньше не занимался крестьянским трудом, и после нескольких ходок его поясница и спина ныли от усталости.

Работа рабынок тоже не назовем легкой. Огромный золотистый огород был разбит на крошечные квадраты, и каждая женщина отвечала за свой участок. Они без устали сгибались в три погибели, поливая и пропалывая грядки, так что спины почти не разгибались. Мужчины, притаскивая горную воду, обычно просто бросали коромысла с ведрами на меже и уходили. Заметив, что одна из рабынок — миниатюрная девушка — с трудом дотаскивает ведра до самой грядки, Лэ Кэ обратил на нее внимание. В следующий раз, проходя мимо, он сам донес коромысло прямо до делянки, а заодно вернулся и помог ей перетащить на поле остальные наполненные водой ведра, брошенные на меже.

Та рабыня подняла на Лэ Кэ глаза, и в ее взгляде мелькнула благодарность, но она не произнесла ни слова, лишь опустила голову и снова принялась черпать воду деревянным ковшом.

Столкнувшись с ней лицом к лицу, Лэ Кэ в первое мгновение испытал потрясение. Лицо рабыни покрывал слой пыли, но та не могла скрыть ее прекрасной, подобной драгоценному жемчугу и нефриту внешности. Распущенные волосы, оставленные без ленты, беспорядочными прядями напоминали тончайшие золотые нити и доходили до самой земли. Широкие грубые одежды не в силах были скрыть стройную фигуру — по сравнению с ней обитательницы внутренних покоев казались жалкими отбросами.

Лэ Кэ мысленно поразился. Уходя, он бросил еще один взгляд в ее сторону: в грубых черных одеждах она затерялась среди множества обливающихся потом рабынок, и он невольно тяжело вздохнул.

Надев на коромысло пустые ведра, Лэ Кэ направился в рощу. Шимо с ухмылкой преградил ему дорогу, дернул за рукав, и они зашли за горный изгиб, скрывшись из виду. Убедившись, что

вокруг ни души, оба уселись в траве. Шимо вытащил тыкву-горлянку с водой, протянул ее товарищу и с улыбкой произнес:

— Я же говорил тебе не соваться сюда, а ты настоял на своем. Ну что, распробовал каково это — быть рабом?

Лэ Кэ приложился губами к горлышку тыквы, сделал несколько жадных глотков, утер рот тыльной стороной ладони и ответил:

— Только теперь я понял, как это весело. Знал бы раньше — давным-давно бы нанялся.

— Ну ты и упрямец! — покачал головой Шимо, а затем добавил уже серьезным тоном: — Только смотри, к той рабыне лучше даже не приближайся.

Сердце Лэ Кэ дрогнуло — он испугался, что тот заметил его интерес, и небрежно бросил:

— К какой именно?

— К той самой, которой ты помогал носить воду, — пояснил Шимо. Помолчав немного, он продолжил: — Бабенка эта с гнилым нутром, ничего хорошего от нее не жди. Лицом — вылитая лисица-оборотень, все от нее шарахаются как от чумы.

Лэ Кэ подумал про себя, что вкусы у местных жителей поистине странные, и сказал:

— Я ведь даже не знаком с ней и имени ее не знаю, с чего бы мне к ней лезть?

— Зовут ее Вивиан, а поговаривают, будто ее семья... — Шимо огляделся по сторонам и понизил голос: — По заведенному порядку нам запрещено расспрашивать о прошлом рабов, никому об этом не рассказывай.

Лэ Кэ кивнул в знак согласия, и Шимо продолжил:

— Говорят, ее отец некогда служил при дворе цензором. За прямоту и дерзость перед императором его приговорили к смертной казни через отсечение головы, причем наказание пало и на девять родов его семьи. Родные вешались кто где или бросались в колокола и колодцы — сгнули все до единого. Только она одна упрямо цеплялась за жизнь, за что ее и обратили в рабство, сославши на этот остров на каторжные работы...

Лэ Кэ вытер пот рукавом и подумал: в какой это империи, в какую династию я угодил, я и понятия не имею. Пока лучше помолчать, а со временем потихоньку выведать всё у него.

Шимо между тем продолжал:

— Хозяин положил на нее глаз, решив сделать своей наложницей. Вообще-то это великая милость — из простых рабов подняться до госпожи, стоило лишь глаза закрыть да ноги раздвинуть. Но она оказалась неблагодарной дурой и воспротивилась до конца. Тогда хозяин, сжалившись над ней, велел связать ей руки и ноги и бросить на постель...

Лэ Кэ мысленно хмыкнул: какая уж тут жалость, скорее чистой воды звериная похоть! Зная о преданности Шимо хозяину, он не стал спорить вслух, а тот гнул свое:

— ...Хозяин полез срывать с нее одежды, как вдруг — едва протянул руку — на тыльной стороне ладони мгновенно вздулись кровавые царапины. Следом и на лице, и на теле появились глубокие следы от ногтей. И ведь в комнате никого больше не было, а Вивиан была крепко связана — ума не приложу, как она умудрилась его изуродовать.

Лэ Кэ подумал: неужто эта Вивиан, подобно Ясли, скрытная и могущественная мастерица боевых искусств?

— Хозяин заподозрил, что она владеет боевыми искусствами, и приказал управляющему Дохе ее допросить, — рассказывал Шимо. — Управляющий Доха избивал ее своей внутренней силой так, что она едва не отдала концы, но в конце концов процедил сквозь зубы: мол, всего лишь калека. Однако разгадку того, как именно хозяин подвергся нападению, так и не нашли. Позже хозяин гадал на нее, и триграмма показала, что она — чистая иньская дева, чей удел образует тройной союз металла, а небесные стволы несут металлическую ци. Рожденная с роковым предназначением, она обречена принести смерть всей своей родне, и любой, кто приблизится к ней, примет дурной конец...

Лэ Кэ тихонько усмехнулся про себя: ваш хозяин попытался взять ее силой, да обломал зубы. Почувствовав себя униженным, он и выдумал всю эту суеверную чушь, чтобы запудрить вам мозги.

Не ведая о мыслях товарища, Шимо продолжал:

— Вивиан тяжело пострадала, но на удивление не умерла — пролежала в постели несколько месяцев. Рабыни, что делили с ней кров, разбежались. Говорили, что двери в комнате то и дело распахивались сами собой без всякого ветра, вещи временами бесследно исчезали, а потом объявлялись в совершенно других местах. Вивиан вечно бормотала что-то под нос — то ли с живыми разговаривала, то ли с мертвыми. Все утверждали, что ее преследуют призраки родных, и никто больше не решался жить с ней под одной крышей. Хозяин тоже не нашел выхода и велел перенести ее в хибарку за прачечной — пусть ждет смерти, чтобы ее мятежная душа перестала докучать живым.

Услышав о злоключениях Вивиан, Лэ Кэ проникся к ней глубоким сочувствием. Шимо же рассуждал с позиций хозяина и возмущался дальше:

— Эта дрянь провалялась столько дней без еды и питья — и надо же, снова ожила! Тут даже хозяин перепугался и приказал ежедневно приносить ей лишь остатки со стола, больше к ней не заглядывая. Но Вивиан день за днем шла на поправку, и из ее одинокой хижины вновь поползли дурные слухи. Кое-кто, набравшись смежности, подкрадывался к ее окну подслушать и слышал звуки, будто кто-то сдирает кожу и ест мясо, а подоконник был забрызган кровью. На следующее утро люди видели, как она в панике пыталась оттереть кровь тряпкой.

Рассказ Шимо звучал жутко и причудливо, но Лэ Кэ остался при своем мнении. Вивиан перешла дорогу хозяину, и все в поместье клеймили ее исчадием зла, так что выдумывать небылицы ради очернения ее имени никто не стеснялся.

— Шестая госпожа называет ее ведьмой, которая только и знает, что заманивать мужчин да пить их жизненную силу и кровь, — закончил Шимо. — Ей поручают самую тяжелую работу, надеясь медленно извести ее до смерти. В поместье никто не смеет вымолвить ей хоть слово, боясь, что даже после гибели она запомнит обидчиков и придет мстить.

На душе у Лэ Кэ стало тоскливо. Хотя они с Вивиан были едва знакомы, нетрудно было представить, через какое количество мук ей пришлось пройти. Ей приходилось тянуть лямку изо дня в день, не видя ни единого просвета впереди. Мало того, что никто вокруг не спешил протянуть ей руку помощи — хватало и тех, кто был готов добить упавшего. В голове мелькнул образ ее изящной и красивой девушки, и Лэ Кэ покачал головой, взял тыкву-горлянку, сделал еще пару глотков и погрузился в тяжелые думы.

Минувшее горе Вивиан и ее странное, выходящее за рамки человеческого поведение теперь не казались чем-то удивительным. Обязательно добавьте главу в закладки перед тем, как переходить к следующей.

<http://bllate.org/book/22005/2287725>